

[Л.1]

Стенограмма записи воспоминаний Мирона Онуфриевича Зарицкого – профессора львовского Государственного университета им. Ив. Франко по кафедре теории вероятностей и прореканом физико-математического факультета.

Беседу вел ученый секретарь Комиссии Отечественной войны кандидат наук Крюк Д.В.

Стенографировала Шестопалова

18.9.1944 года.

Я родился в 1889 году в с. Могильницы Тернопольской области. В университете был в Вене два года, а закончил во Львове в 1912 году. При Польше работал профессором гимназии. В 1939 работал во Львове в государственном университете прореканом и старшим научным сотрудником Института математики Академии наук УССР во Львове.

При немцах преподавал курс математики на профессиональных технических курсах. После освобождения Львова я работаю на прежней работе в Львовском государственном университете.

Основное мое впечатление от немецкой оккупации было то, что население не немецкое на оккупированных территориях было вне закона. Немцы имели право побить на улице кого хотели, и население не немецкое не могло никуда пойти, чтобы пожаловаться. Например, студентка 4-го курса Агрономического института Кордуба, идя по улице, не поклонилась женщине директора того института, и за это ее выгнали из института.

Профессор-руководитель кафедры Турчин увидел директора-немца и поклонился ему. Немец остановился, позвал его и спросил: «Почему Вы мне поклонились?» – «Потому что Вы симпатичны мне, потому что Вы мой шеф». Немец ответил: «Это не так. Потому что Вы должны кланяться мне как репрезентатору немецкого величия. И Вы должны это сами понять и сказать об этом своим студентам, [Л.2] потому что за это отвечаете Вы».

Профессору Каменскому прислали из рейха молодого немца для геологических исследований и сказали этом профессору, что этому немцу двадцать лет, он студент, но ни в коем случае он не должен подчиняться профессору, потому что он немец.

В каждом учреждении ниже по должности немец должен иметь наибольшую зарплату, чем высокий по должности служащий украинец. Украинский профессор получал 650 руб. в месяц, а немка-машинистка 1400.

Случайно я получил журнал из Португальской Академии Наук, где двое профессоров из Лиссабона вспоминают о моей работе. Я заметил, что они некоторых моих работ не знали, и поэтому не использовали моих опытов в этом

вопросе, который они там разворачивали. Я написал к ним письмо, но это письмо не дошло до них. Через два месяца меня вызвали в гестапо, с большим криком мне сделали упрек и говорили, что они имеют право меня арестовать за то, что я пишу письмо без разрешения Лиссабонской Академии.

Таким образом, научные связи были запрещены. Нельзя было ничего печатать при немцах.

Приехал представитель некой фирмы Крак и предложил мне написать математическую книгу на немецком языке. Плата была смешная. За всю книгу тысяча злотых. Но автором этой книги я не имел права быть, а какой-то немец из Берлина должен был подписать мою книгу.

Я отказался.

Мне, как профессору, дали приказ идти на ассистента в Дармштадте в техникум, но я отказался только в связи с болезнью.

Нам был дан приказ читать лекции только по-немецки. Студенты у нас были только украинцы и поляки. Потому что немец не мог быть студентом из-за того, что профессора были не немцы. Я преподавал все время по-украински.

[Л.3] Из программы вычеркнули лекции по радиотехнике и теории токов высокого напряжения с тем, что это очень высоко вато для не немцев. Потому что такие лекции можно читать только немцам. Кто окончил эти курсы, титул инженера не получал, потому что инженером не мог быть не немец, хоть программа и была такая же, как и прежде.

Одному инженеру, фамилию не помню, сказали делать какую-то работу на железной дороге. Он эту работу начал. Затем пришел приказ, чтобы эту работу оставить, потому что она не нужна, потому что он имел расходы в размере 50.000 злотых и настаивал на возвращении этих расходов.

Ему предложили подать смету. Он сделал смету, пошел к немцу, чтобы ему утвердить эту смету, в немец и говорит: «Я здесь еще допишу другие расходы, которых вы не имели, еще на 200.000, 100.000 я себе возьму, а 150.000 вам дам». Таким способом многие во Львове стали миллионерами.

Вообще, за деньги можно было сделать все, только надо было поделиться с немцем.

Один инженер, фамилию не помню, выполнял работу в Турке. Работу фиктивную. Взял за эту работу 400.000 с тем, чтобы половину дать немцу, а половину себе. Фактически никакой работы не было выполнено.

Если охарактеризовать все то, что творилось, то это были кражи и взяточничество. Такой системы еще никто никогда не видел.

Я видел собственными глазами, как в университете разбивали двери в библиотеке, и видел, как топили этими книгами на кухне.

На мое замечание, что это очень ценные книги для общей человеческой культуры, немец сказал, что «нам не нужна ваша культура», «нам нужны ваши чернорабочие». Почти половина книг сожжена.

Нотариус Дьяк написал жалобу для одного гражданина, у которого делали ревизию и украли мелкие вещи. Этого нотариуса [Л.4] следующей ночью арестовали и расстреляли.

За период немецкого пребывания во Львове я избегал любых встреч с немцами. Некоторое время я болел. Но разные такие встречи были необходимы. Когда шел трамвай, я видел, что там сидит немец, мне не хотелось садиться в тот трамвай, и я ждал второго, где немца не было. Этот период я прожил очень замкнуто. Ни к кому не ходил, исключая самых близких, и то украдкой. Эти три года я не могу вспоминать и стараюсь их забыть, считая их перерывом в моей жизни. Я считаю Гитлера гением, потому что он сумел за короткое время в прошлом культурный немецкий народ так загипнотизировать, что он спятил и стал похож на скот, немцы перестали быть людьми. Я подчеркиваю, что обо всем нельзя рассказать, кто этого не переживал, кто не был под немцами, не может поверить, что это было при жизни, и что они делали. Надо было бы написать целый большой роман, очень большой, чтобы можно было что-то написать правдиво.

Несмотря на такие ужасы в это время, среди украинцев и среди поляков находились люди, которые становились на службу немцам. Их можно разделить на категории. Одни делали все ради денег, и с золотом они убежали. Вторые ангажировались политически, делая ставку на Гитлера и на дегенеративных бандитов. Все они бежали и я не представляю себе, чтобы им было дано разрешение на возвращение. Мы их осуждаем и их деятельность не понимали и не поддерживали.

Среди интеллигенции Галиции, и особенно среди интеллигенции Львова в первые дни было убеждение, что советская власть уже не придет во Львов. Это заставило нас искать сотрудничества с новой властью. Я имел счастье работать в школе и не сталкиваться близко с немцами. Через несколько месяцев мы увидели, что с немцами нельзя сотрудничать, потому что они откровенно говорили, что они господа, а мы рабы.

[Л.5] Большая часть была в отчаянии. События на восточном фронте (Сталинградские события) убедили нас, что немцы войну проиграли и мы уже стали надеяться на то, что немцев здесь не будет.

Значительная часть людей стала ждать прихода советских войск. Мы все время беспокоились, как бы так сделать, чтобы немцы не вывезли нас из Львова. Об этом говорили все.

Я, собственно, часть вещей вывез в деревню, а сам из дома никуда не выходил. Если бы был приказ ехать, то я хотел пешком идти в деревню. Была и такая часть интеллигенции, которая боялась прихода советских войск. Они говорили, что НКВД их может выслать на восток, когда придет. Все люди, которые очень боялись советской власти, не хотели работать и с немцами, потому что чувствовали себя рабами. Часть польской интеллигенции мечтала о возвращении польских властей. Они думали, что в Англии есть правительство и

это правительство будет властвовать. Среди украинцев также есть националисты, которые хотели какого-то прежнего петлюровского государства. Кубийович – председатель УЦК, говорил, что немецкие власти – это смерть. Были такие настроения, что Америка оккупирует на 25 лет все пространство от Прибалтики до Черного моря, куда войдет и Галиция. Это все обосновывалось всякими известиями по радио. Была и подпольная польско-украинская литература из пяти направлений, которая ориентировала в этом направлении. Часть интеллигенции мечтала о такой возможности. Но практически ничего не предпринимали. Возможность оккупации от Прибалтики до Черного моря казалась возможной. Делали аналогию между концом первой мировой войны и этой войной. В первой – Германия и Россия вели войну, потом они разрушаются и на это место должны прийти англичане. Они думали, что здесь будут созданы американские доминионы. Таким образом и будет решаться украинский вопрос. Эта мысль и господствовала в некоторой части украинской интеллигенции. Такие мысли до сих пор еще не совсем рассеялись. Среди поляков еще до сих пор есть много таких, которые не могут смириться, что нет понимания между двумя польскими правительствами. [Л.6] Приезжали из Люблина призывать на работу в Польшу, но поляки отказались. Они мотивируют это тем, что если они поедут в Люблин на работу, то тем самым отмежуются от правительства Миколайчика и поэтому стоят и ждут.

О настроениях среди украинской интеллигенции я не знаю, потому что многие из украинской выехали. Как они считали тогда – у них не было надежды, и уехали они от страха. Только вторая часть уехала потому, что должна уезжать. Это был какой-то психоз.

Они сами не знали – куда ехать и чем уезжать.

Много было таких, которые боялись бомбежек и принудительных выселений. Эти люди думали о возвращении, потому что нельзя сказать, что все уехали от советской власти.

Поляки очень враждовали с украинцами и поэтому они и сейчас против украинского языка. Даже знающие украинский язык не хотят разговаривать, читать лекции по-украински.

Украинцы, те, которые у нас остались, чувствуют себя неуверенно, настораживающе, но это потому, что украинцы очень сильно пострадали от войны. Есть много людей, которые не понимают, как еще все это может закончиться. Были такие случаи, когда вывозили десятки тысяч людей из Львова. Это было в сороковом году. И люди боятся, чтобы это и теперь не повторилось.

Во Львов приехали из Харькова и Киева люди, которые не хотели жить с немцами. Так, например, ассистент Клименко, которого немцы выслали из Харькова, вместе с Остинститутом Клименко уехал в Криницу, он не хотел ехать. Но Клименко не хотел ехать с немцами и в то же время не знал, что с ним сделает советская власть.

Галичане боялись, что будут преследования со стороны советской власти, потому что у многих людей кого-то из родни вывезли в сороковом году. Боялись и те, которые были близки к немецкой власти. [Л.7] Некоторые боялись бомбардировки. Некоторые – принудительного переселения. Эти люди думали пересидеть и затем вернуться домой.

Выезд на запад, это был какой-то психоз. Теперь каждый из жителей Львова вздохнул свободно. Если бы материальные дела улучшили, тогда люди чувствовали бы себя значительно лучше.

(Зарицкий)

*Пронумеровано 7 листов
мл. наук. раб. Смалиус -
30.1.46 г.*